

Глава 14

Одним утром у меня тоже выдался рабочий день.

На главной улице, перед тем как расстаться, дядька наставлял меня:

— Хорошенько запомнил?

— Ага. Пока не стемнело — бегу за бэнто!

Дядька и сегодня возвращался поздно. Так что ужинать мне опять предстояло в одиночестве, покупать бэнто.

— И вот ещё что: не жди моего возвращения. Как купишь бэнто — сразу ешь, а поешь — сразу спать.

Я почти уже кивнул, но на секунду задумался. Погоди-ка...

Пойти за бэнто вечером, съесть, пока тёплое... Так это же ещё только вечер будет.

— Это как-то рановато!

Стоило мне возразить, дядька принялся ерошить мне голову.

— Ладно, просто имей это в виду. Главное — ночью из дома не выходи.

С этими словами он ещё разок провёл рукой по моей голове, потом помахал и зашагал по главной улице прочь.

Когда дядькина спина скрылась из виду, я тоже отправился на свою работу.

Эх. До чего же тоскливо, когда дядька поздно возвращается.

Тук-тук-тук — сортировал письма и не заметил, как наступил обеденный перерыв.

Я ел хлеб вместе с тётушками; тут как раз вернулся старший братец-разносчик, и мы поели вместе.

Братец вздохнул и похлопал меня по голове.

— С того самого дня, как Идзуру-кун начал разносить почту, в том богатом квартале только и слышно: «А тот мальчик больше не придёт?»

— в каждом особняке только об этом и спрашивают.

Я и сам поразился собственной популярности, но быть нарасхват приятно. ...Хотя можно ли это назвать популярностью?

Я склонил голову набок, и тётушки заговорили встревоженно:

— Идзуру-тян такой милый...

— Вот-вот. Прямо страшно, как бы какой чудной человек его не увёл.

Да ну... Не уведёт меня никакой чудной человек. Уж с этим-то я как-нибудь справлюсь.

Но если вдруг что —

— Дядька меня защитит, так что ничего страшного.

Дядькины огромные руки — это нечто. Одним словом, потрясающие.

Вспомнив дядькины руки, я принялся доедать обед.

Слова, которые я сам же и сказал, придали мне сил, и после обеда работа спорилась отлично.

Закончив работу, я решил, даром что ещё рановато, зайти за бэнто и идти домой.

Потому что, вернись я домой сейчас, я бы вздремнул — и, кажется, проспал бы так до самой ночи.

Облачившись в зимнее снаряжение, что купил мне дядька, я вышел из почтового отделения и направился в лавку готовых обедов.

Сегодня было особенно холодно, так что варежки, наушники и шарф пригодились вовсю.

В лавке я, разумеется, заказал «Идзуру специальный».

— Сегодня ты рано. Пожалуй, даже слишком рано, — с шутливой укоризной сказала тётушка

из лавки.

— Я дома-а!

Дома никого не было, но если громко сказать «я дома», становится чуть менее одиноко.

— Холодно, надо прогреть комнату!

Отопление в этом мире, не знаю уж как устроенное, работало на камнях.

В коробке вроде духовки лежали камни, и если их попросить — выходил тёплый воздух. Наверное, такие же камни стояли и в душе.

— Отлично! А теперь читаем газету!

Я развернул на столе вчерашнюю газету и принялся читать по порядку, с первой полосы.

Читал, разложив карту, и незаметно солнце склонилось к закату. Пора есть бэнто.

Бэнто уже остыло, но «Идзуру специальный» всё равно был выше всяких похвал.

— Так, надо принять душ.

Моя голову, я подумал: волосы-то отросли.

Раньше они так плоско не висели. Хочу подстричься. Надо будет спросить у дядьки.

Кое-как, наскоро вытершись и вернувшись в комнату, я почувствовал, будто температура упала.

Заглянул в коробку отопления — камень стал меньше прежнего. Уменьшился, и, наверное, мощность упала. Без дядьки не разберусь.

— Дядька всё не идёт...

Уткнувшись в стол, я так и остался лежать. Очнулся уже во сне.

— Эй, малец, ты чего это?

Меня растолкали за плечи — это был дядька. Глянул на часы — почти полночь.

— А... я спал, дядька.

— «Спал», и всё? Почему в постель не лёг? И комнату не прогрел...

С сердитым лицом дядька вытер мне слюни.

— Камень в коробке... стал ма-аленьким...

— Вот оно что. Не сказал же тебе, где запасные лежат. В кухне, под шкафчиком. Я потом сам заменю.

Сказав это, дядька отодвинул стул, на котором я сидел.

— Марш в постель. Я тоже помоюсь и сразу спать.

— Ага. Тогда я в постель.

Лёг в кровать, но волосы были влажные и холодно липли к шее — противно. Я чихнул, и озноб показался каким-то необычным.

А наутро.

— Малец, утро. У тебя выходной, так и будешь дрыхнуть? Я уже на работу уйду.

Дядька разбудил меня; я хотел встать, но тело не слушалось. Суставы ломило. Холодно и жарко одновременно.

— Спать охота? Вот что значит полуночничать.

Дядька усмехнулся и перекатил меня коlobком. А потом заметил неладное.

— Малец? Что с тобой? Тяжело?

Я хотел ответить «нет», но горло, кажется, распухло, и вырвался лишь странный сип. Захотелось спрятаться, и я сжался в комок.

Дядька приложил ладонь к моему лбу и откровенно засуетился.

— Сейчас же к лекарю тебя отнесу.

На моё непослушное тело он натянул кучу курток, обмотал шарфом круг за кругом и взвалил себе на спину.

К лекарю... Где же это?

У меня сегодня выходной, а дядька на работе.

Голова тяжёлая, в ней туман, и вдобавок стало горько от того, что доставляю хлопоты, — всё это нахлынуло разом, и я, уткнувшись дядьке в спину, заплакал.

<http://bllate.org/book/18074/1733893>